

детективная мелодрама

Талина РОМАНОВА

Встретимся
в другой жизни

Детективная мелодрама

Галина Романова

Встретимся в другой жизни

«ЭКСМО»

2000

Романова Г. В.

Встретимся в другой жизни / Г. В. Романова — «Эксмо»,
2000 — (Детективная мелодрама)

ISBN 978-5-699-23437-0

Когда-то в юности Лика сбежала из дома от сексуальных домогательств отчима. Приютил и воспитал ее вожак подростков-рекетиров Гриня. Он всячески оберегал ее от улицы, дал хорошее образование. Но даже выйдя замуж, Лика не перестала ощущать поддержки своего «старшего брата». И вот Гриню нашли убитым в его доме. Поклявшись отомстить, Лика сама попадает в лапы бандитов, но в голове у нее уже созрел план побега. И что бы ни случилось, она уверена: ни один из виновников смерти Грини не уйдет от возмездия... Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений. В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда — сама жизнь. Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание. Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

ISBN 978-5-699-23437-0

© Романова Г. В., 2000

© Эксмо, 2000

Содержание

* * *	6
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Галина Романова

Встретимся в другой жизни

* * *

Димка ее ненавидел! Это явственно читалось в каждом косом взгляде, брошенном в ее сторону, в каждом повороте его головы.

Все попытки наладить контакт пресекались мгновенно. Он презрительно фыркал, капризно кривил пухлые губы и едва не сплевывал. Последнему мешало воспитание, заложенное его родителями с раннего детства. За что она их мысленно не раз возблагодарила.

Следует пояснить, что Димка – ее пасынок. Стал он им совсем недавно, и это ужасно его раздражало, если не сказать больше...

Лика вошла в их дом всего три месяца назад. Влюбившись в Димкиного отца если не с первого, то со второго взгляда уж точно, она была полна самых радужных надежд на счастье под крышей этого дома.

Но все ее благие намерения рассыпались в прах под натиском ужасающей реальности. И эта реальность сидела сейчас напротив нее и с брезгливой гримасой ковыряла вилкой в завтраке, который она два часа усердно готовила перед этим.

– Дима, тебе не нравится? – Ее вопрос прозвучал глупо, но не задать его было нельзя.

– Как тебе сказать... – оттолкнув тарелку, вяло пожал он плечами. – Если может нравиться мороженая брюква, сваренная в помоях, то завтрак просто отличный.

Он удовлетворенно заухмылялся, видя, как задрожал ее подбородок, швырнул тарелку в раковину и, посвистывая, ушел к себе в комнату. Пустыми глазами глядя ему вслед, Лика послала свою тарелку следом и поставила на огонь турку с водой.

Если что ей и удавалось, так это кофе. Этого даже Димка не мог оспаривать. Глубоко затянувшись сигаретным дымом, она мысленно уговаривала себя не расстраиваться и старательно начала отсчитывать парные числа. Это, как всегда, сработало – ей стало лучше.

Ее кофе курился ароматом в чашке, когда зазвонил телефон. Подойти к нему ей не дали. Димка ястребом метнулся из своей комнаты, схватил трубку и опять скрылся за дверью.

Ей ничего не оставалось делать, как подслушивать. Приложив ухо к замочной скважине, она изо всех сил напрягала слух, но, кроме обиженного «Ну папа!», ничего не услышала.

Его папа, ее муж то есть, звонил из Вены, где заключал ряд контрактов на разработку новых компьютерных программ. Звонил он почти каждый день, но переговорить с ним ей удалось раза два. Все остальное время ее новоявленный сыночек нагло врал отцу, что ее нет дома.

Когда же она задавала вопрос о том, кто это звонил, он изумленно округлял глаза:

– Ты дома? Ну надо же, как обидно! Папа звонил, тебя спрашивал, а я сказал, что ты ушла...

– Как я могла уйти, Дима? – стараясь говорить спокойно, говорила Лика. – Ты же только что, буквально пять минут назад, видел меня в кухне!..

– Подумать только – пять минут! – продолжал издеваться он. – Ты не можешь себе представить, что происходит за пять минут в мире!..

Далее шли философские рассуждения с приведением статистических данных о событиях в мире за истекшие пять минут.

Кончалось это обычно театральным всплескиванием рук и сокрушенным покачиванием головы, глаза же его при этом удовлетворенно поблескивали.

Сегодня, сама того не желая, она дала ему в руки еще один козырь для атаки презрением.

Дело в том, что, подслушивая, Лика так увлеклась, что упустила момент окончания разговора. Дверь резко распахнулась, и она кубарем полетела к Димкиным ногам.

Саркастический смех, которым сопровождалось падение, еще долго звучал в ее ушах. Закрывшись в своей спальне, изо всех сил сжимая руками виски, Лика принялась мерить шагами открытое пространство.

Ситуация была тупиковая. Общение с этим монстром в обличье шестнадцатилетнего подростка окончательно переставало ей нравиться. Терпению ее подходил конец. Все усугублялось полной оторванностью от мужа.

До его отъезда, а произошло это два месяца спустя после их свадьбы, она совершенно не замечала туч ненависти, сгущающихся над ее головой. Но как только его лайнер взметнулся со взлетной полосы, все и началось...

Робкий стук в дверь прервал ее метания.

– Анжелика Владимировна! Будьте добры, уделите мне несколько минут вашего внимания, – пропел этот паршивец из-за двери.

– Входи, – обреченно вздохнула Лика, внутренне собираясь для новой атаки.

– Спасибо. – Он плюхнулся в кресло у окна, заложив ногу за ногу.

– Ну, и... – затянулась она новой сигаретой. – Учти, время – деньги.

– Вот это деловой подход, – неожиданно обрадовался Димка. – Дело в том, что у меня есть к вам предложение...

Несколько минут он выдерживал паузу, пристально разглядывая ее в упор.

– Я слушаю, слушаю, – взмах рукой оставил серпантин из дыма.

Как говорится, предчувствие ее не обмануло – следующая фраза сразила Лику буквально наповал.

– Сколько денег вам нужно, чтобы оставить моего отца?

– Что-о-о?! – Поперхнувшись, она уставилась на Димку, как на умалишенного.

– Вопрос был задан конкретный, хотелось бы получить такой же ответ, – сложив длинные пальцы домиком, пояснил он.

– Димка!.. – буквально простонала Лика. – Почему ты не веришь, что я люблю твоего отца? Почему?!

– Это не может быть правдой, – отчеканил он. – Между вами разница почти в пятнадцать лет.

– Ну и что?!

– К тому же все произошло слишком быстро! Слишком! Вы поженились через месяц после знакомства.

– Через два...

– Пусть так, все равно это слишком маленький срок для того, чтобы вступать в брак.

– А сколько, по-твоему, надо? – пружина раздражения потихоньку начала сжиматься в ее душе.

– Я не знаю точно, – рубанул он рукой воздух. – Но уж во всяком случае не месяц.

– Два..

– Два месяца тоже не срок для того, чтобы влюбиться...

– У тебя такие глубокие познания в этом вопросе? – Ее приподнявшаяся бровь, олицетворяющая иронию, лишила его последнего самообладания.

– Ты... ты знаешь, кто ты?.. – заверещал Димка.

– Кто?

– Ты длинноногая, грудастая шлюха!.. Ты о чем думала?! Что захомутаешь дурачка-очкарика и будешь жить себе припеваючи за его счет?! Да?!

– Ну, во-первых, я не считаю твоего отца дурачком. – Последовала пауза, затем ее начинающий звенеть от напряжения голос продолжил: – Во-вторых, если мне не изменяет память, стремление захомутать исходило как раз от твоего отца...

– Да?! А кто задом перед ним вертел?! – перебил он. – Ты посмотри, во что ты одеваешься! Ты же ходишь почти голая!

– Мне можно продолжить? – спросила она, выпуская дым в потолок. – В-третьих, мне всегда нравились очкарики. А в-четвертых, деньги для меня – ничто!

– Можно подумать! – недоверчиво фыркнул он. – Ты же наслаждаешься всем этим комфортом.

Недоуменно поглядев по сторонам, она невольно заулыбалась:

– Ты считаешь, что все, находящееся здесь, – предел моих мечтаний? Будь моя воля – я бы все здесь переделала...

Вот этого говорить не следовало, потому что Димка подскочил с кресла и, подлетев, зашипел ей в лицо:

– Только попробуй! Только попробуй тронь здесь что-нибудь! Я не знаю, что с тобой сделаю!

– Что?..

– Увидишь! – Он пошел к двери, на ходу обернулся и добавил: – Ты пожалеешь, если тронешь хотя бы одну вещь, принадлежавшую моей матери!

Дверь ударилась о косяк, грозя сорваться с петель.

Ноги заскользили по ковру, устраивая поудобнее ее бренное тело. Сигарета давно потухла, но вновь прикуривать было лень.

Голова ее начала клониться к коленям, в носу противно защипало – близился слезный шквал. Противостоять ему не было сил, поэтому Лика тихонько улеглась на пол и заплакала.

Но, видимо, такой привилегии она тоже лишалась, потому что дверь вновь распахнулась, и ее пасынок возник на пороге с самой милой улыбкой на устах:

– Я совершенно упустил из виду одну вещь – завтра приезжает папа... Думаю, нет необходимости посвящать его в детали нашего времяпрепровождения в его отсутствие.

– Боишься? – Помимо воли вопрос прозвучал ехидно.

– Нет, просто не хочу его огорчать. Ты же знаешь, что после смерти мамы у него проблемы с сердцем.

– Вовремя ты это вспомнил...

– Застучишь, значит? – прищурился Димка.

– Не знаю, не знаю... – Она приподнялась и, подойдя к нему вплотную, взяла его за подбородок. – Как будешь себя вести...

– Ничего ты не скажешь, – уворачиваясь, убежденно заявил он.

– Откуда такая уверенность?

– Тогда я застучу тебя! – И, видя ее недоуменный взгляд, продолжил: – Не думаю, что ему будет приятно узнать о твоих телефонных переговорах с каким-то Григорием! Кстати, а что за Григорий? Часом не Распутин?

Димка захохотал в полное горло и выпорхнул из комнаты. Лике ничего не оставалось делать, как смотреть, позеленев от злости, ему вслед и призывать на помощь все свое самообладание.

Этот стервец действительно мог наговорить о ней Олегу. И что самое печальное – она не смогла бы объяснить ему, кто такой Григорий. Тот был частью ее прошлого. Куда она не допускала никого!..

Звонкая пощечина разбудила ее среди ночи. Недоуменно тараща глаза, Лика пыталась рассмотреть что-нибудь в полумраке комнаты.

– Опять школу прогуляла, стерва?! – пьяный голос матери разбудил ее окончательно.

– Мама, ты хотя бы знаешь – который сейчас час? – сонно пробормотала она, пытаясь натянуть одеяло.

– Меня это не... – грязно выругалась она, потрясая всклокоченными волосами: – Где ты была весь день? Где?..

Ее руки метнулись к одеялу, сдирая его с дочери.

– Мама, перестань, – умоляла Лика.

– Я тебе сейчас перестану, – не унималась мать. – Учительница приходила. А ты, дрянь, опять меня опозорила.

Наконец до нее дошло...

Нина Николаевна, очевидно, имела неосторожность явиться в тот момент, когда ее благословенные родители только-только расположились за столом. Целый строй разнообразных бутылок вряд ли способствовал тому, что она прониклась уважением к ее предкам.

Мать, разумеется, сей факт не оставил равнодушной. Она сильно бушевала до того, как Лика вернулась домой, но была настолько поглощена застольем, что приход дочери прошел незамеченным.

Осторожно проскользнув в свою комнату, Лика накинула крючок на дверь и, быстренько раздевшись, нырнула в кровать.

Крючок, разумеется, был защитой ненадежной и сейчас болтался на одном полувывернутом шурупе.

– Я жду ответа, – не выпуская из рук одеяла, напомнила мать. – Или ты ответишь, или...

– Или что?! – завелась с пол-оборота Лика. – Милицию позовешь?! Она тебя первой и загребет.

– Ива-ан! – заорала мать. – Иди сюда!..

Отчим возник в дверном проеме мгновенно. Закралось подозрение, что все это время он подслушивал за дверью и наслаждался ситуацией.

– Что происходит? – Пьяно поводя глазами, обнял он мать за плечи. – Ларочка, не нервничай!.. Я давно говорил тебе, что этой маленькой стерве нужен хлыст...

– Заткнись! – вскинулась Лика. – Только тронь попробуй...

– И трону! – навис он бесформенной глыбой над ней. – Еще как трону!..

То ли матери не понравился его взгляд, блуждающий по голым плечам дочки, то ли проснулся давно задремавший инстинкт, но она начала потихоньку теснить отчима к выходу.

Уже стоя на пороге, погрозила дочери кулаком и пообещала:

– Еще раз прогуляешь – убью!..

Дверь с шумом захлопнулась.

– Еще как прогуляю! Черта с два я туда пойду! – мрачно пообещала ей вслед Лика и тяжело вздохнула – тучи над ее головой начали сгущаться основательно.

В школу она не ходила уже две недели по одной простой причине – ей не в чем было туда ходить. Не то чтоб она была совсем раздета, но тот прикид, который имелся, ее совсем не устраивал. Все усугублялось еще и тем, что паренек, за которым она пошла бы и в огонь и в воду, ничем, кроме презрения, ее не одаривал.

Добило Лику то, что как-то после урока физкультуры он сказал своему приятелю, кивнув в ее сторону:

– Слышь, Витек, а Анжелка неплохая телка... Помыть вот только да приодеть...

Их отвратительный смех больно ударил по ее юному самолюбию. Глотая злые слезы и высыпая учебники в мусорную кучу на заднем дворе школы, она решила, что с карьерой школьницы покончено.

Мать о ее решении не знала, да и не старалась узнать. Временные промежутки между запоями становились все короче и короче и сопровождались вспышками беспричинной злобы

или тоски. Потом добрый Ванечка, раздобывший неизвестно откуда денег, приносил в дом водку, и жизнь сразу налаживалась.

На Лику до недавнего времени почти не обращали внимания. Но сегодня, видимо, что-то произошло, раз мать решила заняться ее воспитанием, и не когда-нибудь, а в три часа ночи.

Прислушиваясь к пьяным выкрикам на кухне, Лика осторожно вылезла из-под одеяла и на цыпочках пробралась к двери. Голые половицы неприятно холодили босые ступни. Взявшись за угол письменного стола, стараясь производить как можно меньше шума, она подтащила его и уперла одним боком в дверь.

– Вот так... Попробуй теперь зайти! – отразился эхом от пустых стен комнаты ее громкий шепот.

Тоскливо глядя по сторонам, она опустилась на краешек стола и задумалась. Жизнь ее являла собой картину безрадостную, и чем больше она размышляла, тем безрадостнее казалось ей будущее.

Ее отец, попав пять лет назад в автомобильную катастрофу, оставил после себя кучу долгов. Кредиторы, как их называла ее мать, стучались в их дверь с утра до вечера, с каждым новым визитом освобождая квартиру от мебели. Один из этих визитеров однажды остался у них на ночь, и мебель из дома пропадать перестала. Зато начала пропадать мать...

С вечера ткнув ее в щеку накрашенными губами, пахнув на прощание легким ароматом духов, она хлопала дверью и исчезала до утра.

Прижимая к груди мягкую игрушку, очередной подарок матери, девочка свято верила, что жизнь их скоро наладится и все будет хорошо.

Но хорошо не стало...

Однажды, придя из школы, она обнаружила в комнате троицу здоровенных детин, которые методично хлестали мать по щекам, требуя вернуть какие-то деньги. Чем все это закончилось, она так и не узнала – ее бесцеремонно выставили за дверь, но с этого дня мать пропадать перестала.

Она сидела на кухне, тупо уставившись в окно, и курила сигарету за сигаретой. На присутствие дочери перестала реагировать вовсе. Лишь в конце каждой четверти, подписывая дневник, она с нескрываемой злобой роняла:

– Ишь ты, отличница!.. Вся в папашу своего премудрого.

– А чем был плох отец? – слабо пыталась возразить Лика. – Все-таки два высших образования...

– Он лучше бы денег после себя оставил, академик!.. – визжала мать. – Что мне с его дипломов?.. Он вон издох, а я одна осталась...

Но одна она оставалась, как правило, недолго. Черета отчимов сменяла друг друга, как времена года за окном. Лика уже давно потеряла счет их именам, отчествам и годам рождения.

Последний – Ванечка, как нежно называла его мать, – задержался чуть дольше других.

Ей он был особенно неприятен. Это объяснялось тем, что в отличие от остальных он уделял ей более пристальное внимание. И внимание это не было продиктовано заботой о ней, а скорее наоборот...

Страсти на кухне между тем разгорались. Звон битой посуды чередовался с пьяными криками изрядно подгулявших родителей.

– Когда все это кончится?! – помимо воли ее глаза наполнились слезами: день грядущий ничем не мог отличаться от дня ушедшего.

Вернувшись в постель, Лика уткнулась лицом в тощую подушку и разревелась. Слезы не принесли облегчения, лишь добавили головной боли и душевных терзаний, с чем она и уснула.

Утро следующего дня было воскресным, поэтому вставать и изображать сборы в школу не было необходимости.

Потянувшись, девушка отбросила одеяло и подставила свое тело ласковому майскому солнцу. Лучи его беспрепятственно проникали в комнату и заливали своим нежным светом ее жилище, немного скрашивая убогость и унылость обстановки.

Громкий стук входной двери окончательно ее разбудил.

«Так... начинается, – мысленно простонала она. – Похмелье – дело тонкое, поэтому нужно сваливать, пока не поздно».

Осторожно выглянув в окно, она увидела, как мать быстрыми шагами удаляется в направлении к центральному универмагу. Обвешанная с двух сторон сумками с пустыми бутылками, она обошла стороной скамейку с дежурными старушками, неодобрительно смотрящими ей вслед, и исчезла за углом соседнего дома.

Печальные размышления Лики были прерваны осторожным стуком в дверь:

– Анжела, ты спишь?

Первым порывом было не отзываться, но отчим был упрямой скотиной. Поэтому он повторил свой вопрос, сопровождая его уже более уверенным подергиванием за дверную ручку.

– Чего тебе надо?

– Поговорить. Ведь у тебя проблемы, а я могу помочь.

– Пошел ты... – Ее тон мог убедить в неприветливости кого угодно, но только не его.

– Будь хорошей девочкой, открой мне дверь, – не унимался он.

– Я сказала, отвали. Дождешься – матери расскажу.

– Мать ушла, придет не скоро, – продолжал скулить он под дверью.

Взгляд Лики лихорадочно забегал в поисках вещей, которые, как всегда, были разбросаны в беспорядке по всей комнате.

– Анжелочка, открой, – хрипло потребовал отчим, налегая на дверь.

Ничего ему не отвечая, она принялась лихорадочно натягивать на себя белье. Очевидно, шорох одежды пробудил его и без того воспаленное воображение, потому что стол под напором его грузного тела пополз в сторону, и она предстала перед отчимом во всем своем семнадцатилетнем великолепии.

– Ух ты!.. – выдохнул он, обшаривая ее взглядом. – Хороша-то ты, Анжелка!

– Убирайся отсюда! – взвизгнула она, пытаясь прикрыться руками.

– Ладно, не шуми. Выпьем давай, я тут одну бутылку от твоей мамы заныкал. – Он извлек из-за спины бутылку кагора. – Посидим, потолкуем.

С этими словами он по-хозяйски развалился на стуле, преграждая ей путь к двери.

– Слушай ты, скотина, я ведь не шучу... Или ты уходишь, или я вызываю милицию, – голос ее дрожал от страха и напряжения.

– И как же ты ее вызовешь – по сотовому? – он противно заухмылялся, извлекая из-под своей задницы ее спортивные штаны. – Иди, доченька, я тебе штанишки надену.

– Обойдешься!.. – злоба начала захлестывать Лику через край. – Уходи по-хорошему, или я позову соседей.

Медленно отступая, она начала двигаться к окну. Отчим был не дурак и, быстро среагировав, кинулся ей наперерез. Больно схватив за руку, он швырнул ее на кровать и придавил коленкой грудь.

– Лежи, сучка, и не дергайся, – зашипел он, брызгая слюной. – Что же ты думаешь, я два года кормил тебя для того, чтобы какой-нибудь сопляк тебя покрывал? Хрен ты угадала...

Шумно дыша, он принялся расстегивать ремень на замызганных брюках. Понимая, что медлить больше нельзя, Лика завизжала и больно ударила его в пах.

– Ах ты!.. – Гримаса боли исказила его лицо.

Всего на несколько секунд ослабил он хватку, ей этого оказалось достаточно. Вскочив с кровати, она схватила бутылку, оставленную заботливым отчимом на письменном столе, и со всего маху опустила ее на его голову.

Несколько мгновений он смотрел на девушку мутными остановившимися глазами, потом рухнул на пол.

Трясущимися руками она натянула на себя спортивный костюм, единственно приличную и любимую ею одежду, и ринулась в другую комнату. Один за другим выдвигая ящики старенького шкафа, она покидала в сумку свои нехитрые пожитки и двинулась к выходу.

И тут ее осенило... Паспорт! Куда она без документов?

Мысленно призывая на помощь всю свою выдержку, Лика вернулась в свою комнату и, стараясь не смотреть в сторону распростертого тела, достала из-под подушки свои документы, завернутые в кусок целлофана. Там же были припрятаны и две сотни, чудом перехваченные от пенсии отца, их она держала на черный день. По всей видимости, он наступил именно сегодня.

Отчим заворочался и поднял голову.

– Ты меня убила, сука! – прорычал он, стряхивая с волос багряные капли.

Понять, что это – кровь или вино, было трудно. Утешало одно: он был жив.

С силой хлопнув входной дверью, девушка ринулась вниз по ступенькам.

На улице в этот час было пустынно. Вскинув сумку на плечо, она бодро зашагала в сторону автобусной остановки. Ни одной путной мыслишки о дальнейшей жизни не копошилось в тот час в голове.

– Ладно. Посидим, подумаем, – пробормотала она себе под нос и впрыгнула в приветливо открытые двери двадцать седьмого автобуса.

– Конечная! – хрипло известил водитель, с подозрением разглядывая Лику в зеркале заднего вида. – Выходим, гражданочка!

Дважды повторять было не нужно. Подхватив сумку, она потопала по едва заметной тропинке, ведущей к старому забытому пляжу.

Место это она открыла года три назад, скитаясь без дела в дни очередного материнского запоя. С тех пор оно служило ей постоянным пристанищем. Последние две недели, прогуливая школу, она скрывалась именно здесь.

Ее шалаш, сооруженный из старых деревянных ящиков, кособоко притулился к старой раскидистой березе. Запаса макарон, сахара и спичек ей хватило бы на неделю. Если учесть, что май в этом году выдался на редкость жарким, то несколько дней можно было не ломать голову над тем, как жить дальше.

Внезапно ее обострившийся слух уловил какие-то посторонние звуки. Шли они со стороны реки. Собрав в кулак все свое мужество, аккуратно раздвигая ветки, девушка пробралась к своей ветхой хижине и обмерла...

Прямо напротив входа в ее обитель сидели два парня и аккуратно уничтожали ее продовольственный запас.

– Вы что делаете, сволочи?! – задохнулась она от возмущения. – Не вами положено, не вами будет взято!

Лика подскочила к ним и попыталась вырвать у одного из них пакет с сахаром.

– Ты смотри, Суня, какая птичка к нам залетела, – лениво протянул один из них. – Сахарку поклевать захотела. На, возьми.

С этими словами он высоко подбросил кулек, предварительно проткнув его ножом.

С тоской проследив траекторию полета, Лика подумала, что это только начало ее неприятностей. Интуиция не подвела ее и на этот раз.

Парень, которого его друг назвал Суней, заложил два пальца в рот и пронзительно свистнул. Тут же, как «двое из ларца», перед ней выросли два здоровенных парня, затем еще два, и так до тех пор, пока она не обозначила их число двенадцатью.

Они взяли ее в кольцо и принялись подсвистывать и улюлюкать. Ей ничего не оставалось делать, как опустить глаза в землю и молить провидение смилостивиться над ней.

Множество скабрзностей и комплиментов, выслушанных Ликой за эти несколько минут, заставили ее щеки и уши гореть кумачом. Невзирая ни на что, она упорно хранила молчание.

Наконец ее непрошеным гостям надоело созерцать ее немое изваяние, и они плотнее сгрудились вокруг нее.

– Суня, – все так же лениво протянул уничтожитель продовольственных запасов, – ну-ка глянь, что прячет птичка в своем бауле.

– Нет, – обреченно покачала Лика головой и со всей силы прижала сумку к груди, – не надо, пожалуйста!..

Суня, протянувший было руку, наткнувшись на ее затравленный взгляд, пожал плечами и отошел со словами:

– Ну тебя, Серый. Если надо, сам и проверяй.

– И проверю... – Серый с силой рванул к себе ее поклажу. – Чем мы здесь так дорожим?

На землю полетели ее штопанные-перештопанные футболки, трусишки и бюстгальтеры, из которых грудь ее давно уже выросла.

– Вот это богатство!.. – гадко протянул Серый, помахивая парой капроновых колготок перед ее носом, потом, порывшись в сумке, спросил: – Так, а это что за ксива?

– Отдай, – властно приказал чей-то голос за ее спиной.

Сумка была молча брошена к ее ногам. Лика присела на корточки и принялась подбирать разбросанные по земле вещи.

– Кто такая? – спросил все тот же голос.

– Не знаю, – пожал плечами Серый. – Мы решили искупаться, на шалаш набрали...

– И постарались уничтожить все, – дрожащим голосом встала Лика. – Мне бы этих продуктов на неделю хватило.

– А ты что – живешь здесь? – Пара дорогих кроссовок остановилась рядом с ней, затем их обладатель присел и, убирая с ее лица растрепавшиеся волосы, спросил: – Зовут-то как?

– Анжелика, – пряча глаза, буркнула она.

– Ишь ты... Это кто же тебе имя такое дал?

– Отец... Хотел, чтобы я на ту, из кино, была похожа, – не к месту шмыгнула она носом. Ребята загоготали.

– Тише, вы, – приказал ее невидимый собеседник.

Смех затих. Затем тонкие прохладные пальцы взяли ее за подбородок и развернули так, что лицо Лики оказалось на уровне глаз спасителя.

Они с интересом разглядывали Лику и были удивительно добрыми. Это она почувствовала сразу.

– Из кино, говоришь? – с улыбкой спросил он. – По-моему, ты получилась не хуже. Да, ребята?

Со всех сторон посыпались возгласы одобрения в ее адрес. Это опять ее насторожило, и она невольно поежилась.

– А ты не бойся, – тихо посоветовал ее спаситель, – здесь тебя не обидят.

Порывшись в кармане кожаной куртки, он вытащил расческу и протянул ее Лике:

– Причешись.

– Зачем? – удивилась она.

– Ты когда последний раз в зеркало смотрелась?

– Я? Ну... не знаю. – Подумав, ответила: – Вчера.

– Вот-вот. Поэтому я и говорю – причешишься.

Вонзая острые зубья расчески в спутанные пряди, она не забывала исподтишка рассматривать эту ватагу.

Ребята были приблизительно одного с ней возраста, одеты под байкеров, но поди сейчас разберись – кто есть кто. Группировки в их городе росли как грибы после дождя.

Из всей толпы выделялся лишь тот, что проявил к ней участие. Одет гораздо круче остальных, он и по возрасту был старше. Присев на ее любимый пенек, он вполголоса что-то втолковывал ребятам. Те молча слушали, время от времени в знак согласия кивая головами. Лишь Серый иногда презрительно кривил губы, но упорно хранил молчание.

– В общем, вы меня поняли... – закончил он, вставая и направляясь в ее сторону. – Ну как дела? Причесалась?

– Да, – протянула она ему расческу, – спасибо...

– Давай присядем, – полуобняв ее за плечи, предложил он, – разговор есть.

Она молча подчинилась.

– Меня зовут Григорием, но для друзей я просто Гриня, – протянул он ей раскрытую ладонь. – Надеюсь, мы станем друзьями?

– А я Лика, – с улыбкой пожала она ему руку. – Папа звал меня Ликой. Я не против, если и ты будешь так называть меня.

– Вот и отлично. А где отец-то?

– Умер. Пять лет назад, – ни с того ни с сего в горле встал противный комок. – С матерью жила и отчимом...

– Жила? А сейчас где? Здесь, что ли? – Он кивнул в сторону ее шалаша.

– Лучше здесь, чем... – Две слезинки все же просочились сквозь ресницы и покатались по щекам, оставляя мокрые дорожки.

– Ну-ну, перестань, – похлопал ее по плечу Григорий. – Вечная проблема отцов и детей. Все утрясется. Не переживай. Мать небось уже в милицию заявила, разыскивая тебя.

– Ага, – хмыкнула Лика, – заявила... Она теперь недели три в запое будет. Нужна я ей...

– А отчим? – осторожно продолжал расспрашивать новый знакомый. – Он что?..

– Отчим получил сегодня бутылкой по голове. Когда я уходила, то в луже валялся.

– Дела... – присвистнул Гриня. – А ты, часом, не убила его?

– Нет. Он меня обматерил, когда я уходила.

– А за что же ты его так? – хитро прищурился Григорий. – Чего не поделили-то?

– Ничего, – отвернулась Лика и принялась ковырять носком туфли рыхлую землю.

– Ладно, Лика, не дуйся, – снова похлопал он ее по плечу. – Не дурак, понял, что этому козлу нужно было. Не переживай, я помогу тебе.

И Гриня действительно ей помог. Более того, он стал ей и отцом, и матерью, и братом, и сестрой.

В шалаше он ее не оставил, а поселил в своем доме, выделив маленькую комнатку с видом на сад.

– Живи, сестренка, сколько хочешь, – вытаскивая с антресолей подушки и одеяло, говорил Григорий. – Заодно за домом присматривать будешь. Без женских рук ветшает он. Делать-то что умеешь?

– Ага, – кивнула она головой. – Я все умею. Стирать, убирать, только вот готовить как-то у меня не получается.

– Ничего, научишься...

Но она так и не научилась. Гриня давился ее кормежкой, ободряюще похлопывал по плечу, но в конце концов от нарядов по кухне освободил.

Школу ей все же пришлось закончить. Узнав, что она за месяц до экзаменов перестала посещать занятия, ее новый друг не на шутку рассердился:

– Ты что, всю жизнь в дурочках собираешься проходить?

– Нет, нет, – лепетала она, – в вечернюю можно потом устроиться.

– К черту!.. – шлепал он ладонью по столу. – Две недели – это не срок, догонишь. Сдашь экзамены, а там посмотрим, что с тобой дальше делать...

Экзамены Лика сдала успешно. Этому способствовало еще и то обстоятельство, что Гриня, узнав об истинной причине ее бунта, купил ей кучу тряпок. Лика без усталости вертелась перед зеркалом, примеряя новые наряды. Щебетала слова благодарности, чем приводила его в замешательство.

– Ладно тебе, сестренка, делов-то... – смущенно прятал он глаза. – Мне это ничего не стоит.

Истинное значение его слов она поняла много позже...

Душным июльским вечером Лика сидела на крыльце, поджидая Грину, и лениво отмахивалась от надоедливых комаров.

Внезапно внимание ее привлек мужчина, безуспешно пытающийся открыть их калитку.

– Вы кого-то ищете? – подходя поближе, спросила она.

– Да, ищу. А вы кто будете? – приветливо улыбнулся он.

– А вы? – скрестила Лика руки на груди.

– Я родственник Григория, – продолжал он улыбаться. – Кстати, он дома?

– Скоро будет. Что-то он мне не говорил ни о каких родственниках, – происходящее все меньше начинало ей нравиться. – Насколько я знаю, у него никого нет.

– Я его дальний родственник. Очень дальний. – Что-то хищное проскользнуло в его взгляде. – Можно, я его в доме подожду?

Ох, как не хотелось ей впускать этого непрошеного гостя, но напористость мужчины сломила ее осторожность, и Лика приветливо распахнула калитку:

– Проходите. Он скоро будет.

Григорий появился через два часа, которые и оказались самыми длинными в ее жизни.

Все это время новоявленный «родственник», сидя напротив нее в кухне и злобно шипя, посвящал Лику в подробности темной стороны жизни ее благодетеля.

– Ты влипла в дерьмо, подруга! – убеждал он ее каждые десять минут.

Она молча слушала и не могла поверить, что тот, о ком он ей рассказывает, ее добрый Гриня. Тот, который протянул ей руку помощи в самый тяжелый момент жизни, ничего не потребовав взамен.

– А почему вы мне все это рассказываете? – наконец спросила Лика осипшим от переживания голосом. – Что за интерес у вас?

– О своем интересе я не с тобой буду разговаривать, пигалица!

– Так все-таки зачем? – не унималась она. – Зачем вам было нужно, чтобы я все знала?

– А из вредности, – заухмылялся он. – Подумаешь, добрый какой – пригрозил на груди сиротку. А для чего? Для чего, я тебя спрашиваю?

– Не знаю... – пожала она плечами. – Просто так...

– Он ничего просто так не делает! Ничего! – помахал он указательным пальцем перед ее носом. – Какой-то расчет у него есть, это уж точно! Что-то задумал, стервец!

– Сами вы!.. – вскочила Лика со стула. – Вообще вам пора. Гриня задерживается.

– Как же, как же... Понаслышаны мы о его задержках. Ладно, поздно уже. – Мужчина встал и направился к выходу. – Передашь ему, что я был... Хочет жить красиво – пусть платит!

– Кому?!

– Он знает... Умеет делать бабки, пусть делает. Но делиться все-таки нужно, а то... – гость открыл дверь. – И пусть не думает, что его пацанва – это бригада! Сметем в один момент, как котят.

Застыв соляным столбом посреди кухни, Лика прокручивала в уме только что услышанное, прокручивала и не могла поверить.

Конечно, она была не настолько наивна и понимала, что Григорий существует не на скромное жалованье служащего местного Стройтреста, но чтобы такое...

За этими размышлениями и застал ее Гриня.

– Что-то случилось? – с порога спросил он. – Ты чего такая потерянная?

– Гриня... ответь мне, пожалуйста, – зачем я тебе? – сердце гулко бухало в груди. – И еще... на что мы живем?

– Та-а-ак!.. – протянул Григорий, взъерошив волосы. – Кто здесь был? Что он сказал тебе?

– Он сказал, что ты бомбишь фермеров, еще он сказал, что тебе пришла пора поделиться, и еще... – тут она не выдержала и заревела.

– Что еще?! – сильно тряхнув ее за плечи, прикрикнул Гриня. – Отвечай!

– Он сказал, что я тебе нужна для чего-то... Что ты ничего просто так не делаешь...

– Дурочка! – ласково заулыбался Гриня, вытирая слезы с ее лица. – Успокойся! Не собираюсь я тебя использовать. Ты мне сестренку мою покойную напомнила, вот я сердцем к тебе и потянулся.

– Какую сестренку? – непонимающе уставилась она на него. – Ты мне ничего не рассказывал.

– Садись, расскажу...

Она села рядом с Гриней на диван, прижалась к его надежному плечу и в течение часа слушала историю его жизни, время от времени прерывая ее судорожными всхлипываниями.

История эта была печальна, но не необычна...

В восемнадцать лет Григория забрали в армию. Дома осталась старая мать с шестнадцатилетней сестренкой. Первое время все складывалось хорошо, но потом из дома стали приходить тревожные известия. Мать писала, что Аленка отбилась от рук, водится с дурной компанией. Гриня забросал сестру письмами с просьбой слушаться маму и так далее...

Все его советы канули в пустоту, потому что через год службы мать написала ему, что Аленку осудили на три года за хулиганство.

Такого горя мать не выдержала и умерла. Приехав на похороны, Григорий был сломлен другим известием: в колонии во время драки ударом в висок его единственная сестра была убита.

– Пришлось вместо одного два гроба в землю закапывать, – печально закончил Григорий. – Жизнь как будто оборвалась для меня. После армии не хотел даже возвращаться, да дом жалко... А когда тебя увидел, что-то перевернулось у меня в груди. Ты волчонком смотришь на всех, тряпочки свои подбираешь с земли, руки трясутся. Меня проняло... Не смог я мимо пройти. Окажись с Аленкой кто-нибудь рядом в тот момент, может, она и была бы жива...

– Прости меня, Гринечка! – прошептала Лика опухшими губами.

– Ладно, сестренка, забудем, – ободряюще улыбнулся он ей в ответ. – Выучу тебя да замуж отдам за хорошего человека.

– Не хочу я замуж! Насмотрелась я на этих мужей! Мать их каждый квартал меняла.

– Я же сказал – за хорошего человека, – засмеялся Гриня. – Давай спать укладывайся.

Лика пошла в свою комнату, но на полдороги остановилась и осторожно спросила:

– Гриня, а этот человек, ну тот, что приходил, он очень опасен?

– Он – нет, но за ним стоят опасные люди, – прищурился ее друг. – Не забивай свою голову чем не надо. Тебе еще два экзамена в институте сдать предстоит, вот и готовься. Поняла?

– Поняла, только...

– Что «только»? – перебил он ее уже сердито. – Я сказал – не твоего ума это дело!
– Боюсь я!.. Вдруг с тобой что-нибудь случится... – Слезы снова закипели у нее в глазах. – У меня же никого, кроме тебя, нет. Мать вон только обрадовалась, что избавилась от меня.
– Лирика! – тяжело вздохнул Гриня. – Иди спать! Все будет как надо!..

Но его словам не суждено было сбыться. Имея очень упрямый характер, Гриня и не подумал подчиниться требованиям больших ребят. Все так же совершая налеты на фермеров, он совершенно забыл об опасности.

Она подстерегала его поздним сентябрьским вечером в одной глухой деревушке.

Довольные результатами своей очередной вылазки, ребята потихоньку ехали по едва заметной лесной тропинке на своих мотоциклах и не сразу сообразили, что треск, внезапно раздавшийся из зарослей, не что иное, как автоматная очередь.

Поднялась страшная паника. Ребят расстреливали в упор. Треск мотоциклетных моторов смешался со стонами раненых и криками живых.

Все произошло в считанные минуты. Расстрел закончился так же внезапно, как и начался.

Еще через некоторое время место происшествия было оцеплено милицией. Машины «Скорой помощи» вывозили мертвых и раненых. Страшная бойня, устроенная конкурирующей группировкой, поразила даже выдавших виды милиционеров.

Лирика сидела, обложившись учебниками, и с опасением поглядывала на часы. Время, когда Гриня должен был вернуться, давно миновало. Страшное предчувствие потихоньку начало овладевать ее душой.

Разогрев в очередной раз нехитрый ужин, она принялась метаться по комнате. В этот момент и раздался громкий стук в дверь. Когда она шла к выходу, то уже знала – кто за ней.

– Анжелика Владимировна? – взял под козырек милиционер и, удовлетворившись ее молчаливым кивком, приказал: – Одевайтесь. Вам нужно проехать с нами.

Оставив без ответа ее вопросы, он так же уверенно взял ее под руку и повел к ожидавшему их «уазику».

Следующие несколько часов Лику подвергли перекрестному допросу. Здесь присутствовали и «добрый» и «злой» следователь, и еще много других людей, лица которых калейдоскопом проносились в сознании.

Уже под утро, ничего не добившись, они наконец отпустили ее. Она вышла во двор и обессиленно опустилась на скамейку. «С Гриней что-то случилось! – тревожно билось у нее в мозгу. – Нужно пойти и узнать».

Она вернулась и постучалась в окошко дежурной части.

– Чего тебе? – сонно пробормотал молоденький сержантик.

– Меня сейчас допрашивали, – пролепетала Лирика.

– Что натворила-то? – подозрительно уставился он на нее.

– Я – ничего. Но мне нужно узнать... Вы не сможете мне помочь?

Очевидно, ее измученный вид не оставил его равнодушным, потому что он, с сочувствием качнув головой, обронил:

– Спрашивай...

– Вы не скажете, что случилось сегодня ночью в городе?

– Банду одну тут расстреляли, – шепотом поведал он ей.

– Кто?! Какую банду?! – холодея от предчувствия, спросила Лирика.

– Банду Гришки Еремина. Свои же и расстреляли, кто же еще?

– А что с ним?! С Григорием?! – еле выдавила она.

– Не знаю. Там почти одни трупы. Если хочешь что узнать, кати в больницу.

С этими словами он отвернулся, ясно давая понять, что разговор окончен.

Ли́ка вышла из РОВД и пошла в сторону областной больницы, все ускоряя и ускоряя шаг.

В приемном покое пожилая медсестра, укоризненно покачав головой, сунула ей в руки белый халат и повела длинным коридором в хирургическое отделение.

– Его последним привезли, – рассказывала она по пути. – Один он в живых и остался. Остальных – кого на месте убили, кто по дороге умер, а кто – здесь. Да и он вряд ли выживет... Уж больно сильно изрешетили.

Слова медсестры с трудом доходили до ее сознания. Перед глазами мелькали лица молодых парней, многие из которых собирались этой осенью в армию.

«Зачем им все это было нужно?! – мысленно стонала Ли́ка. – Зачем?!»

– Ты что – не слушаешь меня? – обиженно спросила медсестра.

– Нет, нет! Что вы, – поспешила она исправить положение.

– Вот в этой палате он, – кивнув на белую дверь, пояснила она. – Может, уже и умер, я не знаю.

Она равнодушно пожала плечами и, широко зевнув, ушла.

Ли́ка потянула на себя дверь, та со скрипом открылась, представив ее взгляду страшную картину.

На больничной койке, весь в окровавленных бинтах, лежал Гриня. Дыхание со свистом вырывалось у него из горла, каждый раз вздувая кровавый пузырь в уголке рта.

Она подошла ближе, рухнула на колени и зарыдала в голос. Сколько прошло времени, трудно сказать, но в чувство ее привело то, что кто-то осторожно трогал ее за плечо. Ли́ка подняла голову и сквозь пелену слез увидела пожилого врача, который делал ей знаки следовать за ним.

– Кто он вам? – усадив ее в ординаторской на диван и сунув в руки стаканчик с вальерьянкой, спросил он. – Муж?

– Нет, – покачала головой Ли́ка, – брат... Скажите – у него есть шанс?

Врач поднялся и, сунув руки в карманы белого халата, задумчиво на нее уставился.

– Не могу ничего сказать определенно, – после паузы сказал он. – Если до утра доживет, попробуем прооперировать. А сейчас...

– Спасите его, пожалуйста!!! – еле слышно прошептала Ли́ка. – У меня никого нет, кроме него!!! Спасите его!!!

До сих пор остается загадкой – было ли это чудом или чем еще, но Григорий выжил...

За те четыре месяца, что он провел на больничной койке, его прооперировали три раза. В результате, в январе выйдя из стен больницы, он имел протез вместо правой ноги до колена и пенсионное удостоверение инвалида первой группы.

Но страшнее физических увечий была для него боль за погибших ребят. Вину за их смерть он полностью ввалил на себя.

– Я никогда себе не прощу!!! – шептал он сквозь слезы, лежа дома на койке. – Как я смогу жить после всего этого?!

И, видя испуганный взгляд Ли́ки, гладил ее по голове слабой рукой и утешал:

– Не бойся, сестренка! Я не уйду, пока не устрою тебя в этой жизни.

Последним он занялся всерьез и основательно. Не позволив перевестись на вечернее отделение, Гриня живо интересовался ее успехами и неадекватно реагировал на институтских друзей.

– Не нужны тебе эти босоногие мальчишки, – ворчал он, провожая Ли́ку на вечеринки. – Кроме разочарований в жизни, от них ждать нечего...

Надо сказать, что слушалась она его беспрекословно. После занятий спешила домой, а молодежные вечера и дискотеки посещала крайне редко и неохотно.

Все свободное время помогала Григорию по дому и хозяйству. Последнего он развел полное подворье.

Милиция долго не оставляла Гриню в покое, но потом обреченно махнула рукой: никаких заявлений от пострадавших не поступало, а разборки в современном мире – дело обычное.

Как только дело было закрыто, Григорий занялся сельским хозяйством. Мотаясь по всему району на своей рваной машинешке, он ухитрялся запастись кормами и содержать в своем дворе дюжину голов скота.

– А учить тебя на что буду? – огрызнулся он в ответ на ее ворчание. – Это легальный бизнес, ничего противозаконного.

Возразить ей было нечего. Но, видя, как он надрывает остатки здоровья, она не могла оставаться равнодушной.

Лика приняла решение и втайне от него стала подрабатывать в институтской лаборатории. Свои долгие задержки объясняла возросшими нагрузками. Гриня подозрительно косился на нее, но молчал.

Дни шли за днями, отсчитывая недели, месяцы и годы. Их монотонное течение несколько ее не удручало. Лика была по-настоящему счастлива.

Впервые за долгое время у нее был настоящий дом, где ее любили, ждали и где о ней беспокоились.

Соседи давно перестали ломать голову над их отношениями и иначе как братом и сестрой не называли.

Несколько раз за эти годы Лика встречалась с матерью. Встречи носили случайный характер и ничего, кроме досады, не вызывали.

– Ишь, сучка, как вырядилась, – злобно роняла она ей вслед. – Неплохо пристроилась. Нет бы о матери позаботиться, так она вся в папашу своего – в ученье вдарилась.

Гриня, хромавший рядом с ней, молча брал Лику под руку и уводил подальше со словами:

– Не обращай внимания. Пусть злится...

И все было бы прекрасно, если бы не Гринино непроходящее желание выдать ее замуж.

Лика сердилась, взрывалась, но он был непреклонен:

– Не дай бог случится что со мной, с кем ты останешься?

Такой мысли она допускать не хотела, поэтому с особым рвением принималась помогать ему и с удвоенным вниманием следила за его здоровьем.

Защита диплома прошла с блеском. По этому поводу они устроили с Гриней праздничный семейный ужин, который затянулся у них за полночь. А через день, как водится, Лика пошла искать себе работу. Но это оказалось не таким уж простым делом.

Ее внимательно оглядывали, вели ничего не значащие беседы, потом, пожимая руку, произносили коронное: «К сожалению...», и на этом все заканчивалось.

В течение месяца обойдя весь город в поисках работы, она пришла к неутешительному выводу, что молодые специалисты с дипломом особого образца годятся только на то, чтобы подавать кофе и развлекать гостей руководства приятной беседой.

Гриня приходил в бешенство, узнав об этих предложениях:

– Ты не будешь работать в этих «фирмочках»!

– А почему? Деньги приличные платят.

– Знаю я, за что платят эти деньги! – бушевал он. – Знаю, чем кончаются эти светские беседы!

Закончилось все тем, что Лика устроилась уборщицей в одно из СП по разработке компьютерных программ...

Имея гуманитарное образование, она слабо представляла, чем занимается данное учреждение, но, если учитывать ее должностные обязанности, этого от нее и не требовалось.

Весь свой рабочий день Лика наводила порядок: мыла, пылесосила, поливала цветы и под вечер едва приползала домой.

– Гриня, меня повысили, – сказала она ему однажды и, предупреждая расспросы, иронично закончила: – Перевели... С первого этажа на пятый...

Он сердито засопел, но промолчал. Лика долго не могла понять, с чем связана такая покорность судьбе, пока он однажды не проговорился.

Как-то за ужином, прокашлявшись, Гриня осторожно спросил:

– Лика, сестренка, ты мне рассказала бы поподробнее о работе своей.

– Тебя что больше интересует – размер моего ведра или температура воды? – не выдержав, съязвила она.

– Ну, зачем, – протянул он миролюбиво. – Ты мне о людях расскажи. Людей-то ты видишь.

– Вижу, – буркнула Лика, – в основном ботинки.

– Почему ботинки? – непонимающе уставился он на нее.

– Потому что голову поднять некогда. А еще потому, что там почти мужики одни работают.

– Какие мужики? – оживился сразу Гриня.

– Женатые... – заухмылялась она, сразу поняв, в чем дело.

– Ничего, может, и на тебя один неженатый найдется.

– Ага, ему больше делать нечего, только с уборщицей роман крутить, – захохотала Лика.

Но Гриня, загадочно мерцая глазами, принялся уверять ее в том, что она обязательно встретит там свою судьбу.

Лика недоверчиво качала головой и снисходительно ухмылялась, не зная в тот момент, как недалек от истины был ее славный друг...

Будильник пронзительно заверещал над ее головой. Сонно похлопав рукой в изголовье, Лика, как всегда, свалила его на пол.

«Пора вставать! – приказала она себе, свесив голову в поисках неумолкающего возмутителя спокойствия. – Иначе „сыночек“ мне опять какую-нибудь пакость придумает».

Под пакостью подразумевалось Димкино нежелание уступать ей место в ванной. А если учесть, что сегодня приезжает Олег, попасть туда было необходимо без задержек.

Поплотнее запахнув халат, Лика на цыпочках пробралась к двери ванной и застонала – она была заперта изнутри.

Безуспешно подергав за ручку, она побрела на кухню. Здесь у нее на всякий случай была припрятана запасная зубная щетка с тюбиком пасты. Не бог весть какой комфорт, но выбирать не приходилось.

«Душ приму позже», – утешила себя Лика, слабо в это веря.

Наверняка Димуля, чтобы в очередной раз сделать ей «приятное», просидит в ванной до отъезда.

Кое-как совершив обряд омовения, она подошла к зеркалу в прихожей и обомлела. Ее ночные бдения в воспоминаниях не прошли даром – на нее смотрело унылое помятое лицо.

«Нет! Мне просто необходимо принять душ! – поднял голову ее бунтарский дух. – И пусть только попробует не впустить!»

В течение нескольких минут Лика добросовестно отстукивала в дверь, но шум льющейся воды не прекращался. На минуту закралось подозрение, что он там спит, но в это время раздался звук открываемой защелки, и перед Анжеликой предстало видение, заставившее ее замереть.

Дмитрий стоял перед ней совершенно голый, если не считать узенькой полоски ткани на бедрах, и свысока поглядывал на нее.

– В чем дело, Анжелика Владимировна?! Вы настолько испорчены, что ломитесь ко мне в то время, когда я принимаю ванну?

– Но не в течение часа, черт тебя побери! – рявкнула она, пятясь.

Он резко развернулся, сверкнув ягодицами, и с шумом захлопнул дверь прямо перед ее носом.

– Говнюк! – не выдержав, крикнула она.

Ответом ей был демонический хохот из-за двери.

Призвав на помощь всю свою выдержку, Лика все же попыталась привести себя в порядок и уже через двадцать минут нетерпеливо позванивала ключами от машины.

– А что, завтрака не будет? – спросил Димка, невинно улыбнувшись ей из-под светлой челки.

– Нет! – рявкнула Лика. – Мы и так опаздываем, идем...

Димка проскользнул мимо нее к выходу, по-детски надув губы.

Лика мягко тронула машину с места, не забыв накинуть на брыкающегося пасынка ремень безопасности.

– Не хочу, чтобы меня обвинили в умышленном членовредительстве, – пояснила она, едва не скрипнув зубами.

– Если проявляете такую заботу обо мне, чего же тогда не покормили? – обиженно отметил Димка.

Ничего не отвечая, она продолжала гнать машину по загородному шоссе. Времени до посадки самолета оставалось совсем немного, поэтому Лика решила сосредоточить все внимание на дороге и не реагировать на его выпады. Но следующая его фраза повергла ее в шок.

– Конечно, – задумчиво поглядывая в окно, произнес Димка, – я понимаю – мачехе все равно – сыт я или голоден!..

Взвизгнув тормозами, машина остановилась на обочине.

– Слушай, мальчик... – с трудом сдерживая дыхание, начала Лика. – Я каждый день встаю в такую рань, готовлю тебе этот чертов завтрак, хотя ненавижу готовить...

– Это чувствуется...

– Так вот... Я стараюсь, понимаешь ты это своим эгоистическим сознанием или нет? Я стараюсь! Моим желанием прежде всего было – стать тебе другом, понимаешь, не матерью – нет! Не мачехой, а другом!

– Не кричите! – поморщился он, потом, посопев, обронил: – Я вам не верю!

– Почему?!

– Потому, – буркнул Димка. – Нам пора, а то папа волноваться будет...

Разумеется, они опоздали. От самолета уже успели убрать трап, когда они ворвались в здание аэропорта. Быстро obeжав глазами прибывших и не найдя того, кого с таким нетерпением ждала, Лика рванула что есть сил на второй этаж в кафетерий.

Олег сидел за стойкой и потихоньку потягивал обжигающий кофе. Какие мысли витали в тот момент в его талантливой голове, определить было трудно, но, едва завидев ее, он широко улыбнулся и поспешил навстречу.

– Здравствуй, девочка моя! – нежно целуя Лику, шептал он. – Я уже начал волноваться! Почему так долго?

– Папа, здравствуй! – раздалось со спины.

С трудом оторвавшись от нее, Олег схватил Димку за плечи и прижал к своей груди:

– Здравствуй, сынок! Как вы тут без меня? Не ругались?

– Нет, нет, что ты, – поспешил с ответом Димка, настороженно поглядывая в ее сторону, – мы с Анжеликой Владимировной отлично ладим...

Подхватив отца под руку, он потащил его к выходу. Ей ничего не оставалось делать, как плестись следом.

Внезапно она что-то почувствовала. Это пронеслось над ее головой чем-то неосязаемым, но смутно вызывающим тревогу. Резко обернувшись, Лика обежала взглядом толпу, но ничего подозрительного не обнаружила.

Странное чувство сжало сердце и наполнило душу необъяснимой тоской. Толкнув тяжелую дверь, Лика, поддавшись внезапному порыву, вновь оглянулась и похолодела...

Привалившись к телефонной будке, стоял Серый и, гаденько ухмыляясь, помахивал ей рукой в знак приветствия. Он сильно изменился с их последней встречи, повзрослел, возмужал. Прежним осталось выражение озлобленности и неприкрытой подлости на его лице.

Оттолкнувшись от телефонной будки, он быстрым шагом приблизился к ней и согнулся в клоунском приветствии:

– Приветствую вас, о несравненная и неприступная!

– Здорово, Серый...

– Как вижу, дела у тебя в полном порядке?

– Не жалуюсь...

– А этот дядечка, он кто тебе?

– Не твоего ума дело, – оборвала она его и попыталась обойти.

– Подожди, не торопись... – Серый преградил ей дорогу. – Нетерпеливая какая... Разговор есть...

– Мне не о чем с тобой разговаривать, – волнение все сильнее охватывало Лику. – Пропусти, меня ждут.

С улицы нетерпеливо посигналили.

– Отойди с дороги, быстро! – рявкнула она.

– Отойти-то я отойду, но это не решает проблемы, – продолжал кривляться Серый. – А проблемы у нас с тобой общие.

– Ты думаешь?

– Уверен! – Он присел на корточки и, поглядывая на нее снизу вверх, тихо обронил: – Дела давно минувших дней...

– Будешь мне тут классику цитировать или как? – окончательно потеряв терпение, повысила Лика голос.

– А ты не ори, – подскочив пружиной, прошипел Серый, – лучше Грине привет передай...

– Твой привет ему, как...

– Заткнись, сучка, – схватил он ее за руку. – Ребят всех уложили той ночью, ведь так?

– Так... – проблеяла она. – И что? Он виноват в том, что выжил? Ты вон тоже живой, интересно, почему?..

– Неважно, почему... Разговор о другом...

– О чем же?..

– Братва-то на него, на Гришку твоего, рукой махнула – мол, что брать с инвалида? Они махнули, но не я...

– А тебе что нужно? – попыталась освободиться от стальных объятий Лика. – Лет-то сколько прошло...

– А мне недосуг все было. А теперь время выдалось и решил Гриню тряхнуть. Общачок-то у него остался...

– Ты чего мелешь? Если бы у него были деньги, он бы не вкалывал как проклятый все эти годы! – недоумению ее не было предела.

– Знаю, знаю. Наблюдал. Только не пишу я на такую дешевку. – Серый сплюнул. – Короче, передашь ему, чтобы деньги вернул, а то...

– Лика, что здесь происходит?! – перебил гневную тираду Серого напряженный голос Олега. – Что случилось?!

– Ничего, все в порядке, – вымученно улыбаясь, она высвободила руку и, не оглядываясь на старого знакомого, поспешила к мужу.

Усаживаясь в машину, Олег с недоумением поглядывал в ее сторону. Наконец он не выдержал и спросил:

– Ты не хочешь мне рассказать, что произошло?

– Ничего особенного, – беспечно пожала Лика плечами. – Этот человек меня с кем-то спутал.

– Да?.. – Муж снял очки и, близоруко прищурившись, посмотрел в сторону здания аэропорта. – Милая, я не хотел бы, чтобы между нами была недоговоренность.

– Уверяю тебя, что...

– Ты неправильно поняла меня, – мягко перебил он. – Я хочу, чтобы ты знала, что я всегда буду рядом. И смогу помочь, если у тебя будут проблемы. Понятно?

– Конечно! – чмокнула она его в щеку. – Поехали домой...

«Боже мой! Помочь!.. – мысленно стонала Лика. – Чем ты можешь мне помочь, любовь моя?! Ты, со своей мягкостью и тактом, перед этим бандитом, как ягненок перед волком! Если кто мне и может помочь, так это я сама!»

Краем уха вслушиваясь в разговор Олега с сыном, она лихорадочно искала выход.

Необходимо было увидеться с Гриней, и как можно быстрее. Но как улизнуть из дома незамеченной, когда Олег только-только вернулся. К тому же Димкины взгляды, которыми он полосовал ее всю дорогу, ей совсем не нравились. Наверняка этот стервец что-то заподозрил и не упустит возможности насолить.

Ее подозрения подтвердились, как только они закончили обедать. Олег, уставший с дороги, пошел отдохнуть, а Димка вызвался ей помочь. Едва за мужем закрылась дверь, как ее ненаглядный пасынок подлетел к ней с торжествующим блеском в глазах.

– Что скажете, Анжелика Владимировна? – пропел он.

– Ты о чем? – Голос ее звучал ровно, невзирая на то, что в душе был полнейший обвал.

– Не притворяйтесь! Я об этой сцене в здании аэропорта! Что это за человек, который угрожал вам?

– С чего ты взял, что он мне угрожал? – изобразила она недоумение. – У тебя паранойя, милый!

– Не-ет! Вам меня не обмануть... – Димка уселся на край стола и торжественно произнес: – Я все слышал! Отец послал меня за вами, и я подслушал!

– Фу-у, – Лика брезгливо изогнула губы, – как неприлично. С твоим-то воспитанием...

На мгновение в его глазах промелькнуло что-то, отдаленно напоминающее стыд, но он тут же спохватился и продолжил:

– В любви и войне все способы хороши! Так что скажете?

– А то и скажу, – устанавливая тарелки в сушилку, спокойно парировала она, – что не твоего ума это дело! Занимайся уроками...

– С уроками у меня все в порядке, только...

– Что только?

– Во что это все может вылиться? Если я правильно понял, этот человек – призрак прошлого? Интересно, что такого вы там прячете?

Трясущимися пальцами Лика вытянула из пачки сигарету и, прикурив, уставилась на Димку сквозь сизый дым.

– А если это все отразится на нас с папой? – продолжал между тем он. – Вдруг это как-то повредит нам?

– Каким образом? – бледность потихоньку разливалась по ее лицу.

– Как каким образом? – вскинулся Димка. – Если я правильно понял – речь шла о каких-то деньгах? И деньгах немалых?

В пять затяжек выкурив сигарету, Лика ткнула ее в пепельницу и двинулась к выходу.

– Почему вы не отвечаете? – преградил Димка дорогу. – Или вы желаете, чтобы этот вопрос вам задал отец?

Лика вперила немигающий взгляд в его переносицу и ничего не отвечала. Ее расчет оказался верным – через несколько мгновений Димка занервничал.

– Вы очень странная женщина, – произнес он наконец. – Удивляюсь, что папа нашел в вас?

– Спроси у него...

Тихонько притворив дверь в их с Олегом комнату, она смогла наконец перевести дыхание. Ее показное самообладание давалось нелегко. Тревога разъедала душу.

Тихий голос, позвавший ее по имени, заставил ее оглянуться.

– Ты не спишь?

– Нет. – Олег протянул к ней руку. – Иди сюда и постарайся успокоиться.

– Но...

– Тссс, – приложил он палец к ее губам. – Я достаточно сильно люблю тебя, чтобы понимать. Если ты не хочешь говорить мне сейчас о своих неприятностях, не надо...

– Но... – Все ее возражения потонули в мягком прикосновении его губ.

Нежные руки Олега отодвинули на задворки сознания все грядущие беды...

Много позже, поглаживая влажные завитки на груди мужа и вслушиваясь в его тихое дыхание, Лика силилась вспомнить, когда впервые почувствовала, что любит этого человека.

Перебирая в памяти их немногочисленные встречи, она с удивлением обнаружила, что влюбилась в него сразу, с той самой минуты, когда он, наклонясь к ней, участливо спросил:

– Что, так все плохо?

– Не-ет, – с удивлением покачала она головой и приподнялась с пола, где сидела, вытянув ноги, отдыхая после изнурительного марафона с тряпкой. – Устала немного...

– Да?! – Он нацепил на нос очки, которые до этого держал в руках, и внимательно принялся ее разглядывать. – Вы не выглядите усталой.

– Возможно, – чувствуя себя последней идиоткой, Лика обтерла руку о джинсовые шорты и, протянув ее лодочкой, проблеяла: – Лика.

– Олег. – Он взял ее ладонь и, развернув тыльной стороной, поцеловал. – Мне очень приятно...

Домой в тот день Лика заявила притихшей, с загадочным блеском в глазах. Гриня, с интересом наблюдавший за ней, в конце концов не выдержал и полюбопытствовал:

– Лика, сестренка, что с тобой? Ты, часом, не влюбилась?

– Не знаю... – заулыбалась она.

– И кто же он?

– Не знаю... – продолжая глупо улыбаться, пожала она плечами. – Но он такой...

– Какой?..

– Хороший...

Через два месяца, не успев опомниться от водоворота чувств, Лика стала женой этого «хорошего парня», как называл его Гриня. Сам он пожелал остаться в тени и от знакомства с Олегом отказался. Но Лика подозревала, что по своим каналам потихоньку разузнал о ее избраннике все, что ему было нужно.

Она была на седьмом небе от счастья. Единственное, что отравляло ее душу, так это Димкины кривые усмешки. Стараясь не обращать на это внимания, она надеялась, что со временем сможет уладить эту сторону их жизни.

Надежда эта растаяла с отъездом Олега...

Подавив судорожный вздох, Лика осторожно встала и, накинув халат, вышла из комнаты. Димки нигде не было видно. Облегченно вздохнув, она прошла на кухню и закурила. В этот момент и зазвонил телефон. Неизвестно почему, но сердце ее тревожно заныло.

– Алло, я слушаю.

На том конце провода молчали, шумно дыша в трубку.

– Говорите!

Дыхание стало еще более громким, и невидимый собеседник прошелестел замогильным голосом:

– Слышь, сучка! Или возвращаешь деньги, или...

– Или что?! – виски сдавило тупой болью.

– Будет беда!..

Следом за этими роковыми словами пошла череда коротких гудков.

– Кто звонил? – вынырнул Димка из своей комнаты, невинными глазами глядя на Лику.

– Не знаю... Ошиблись номером.

– Да?! Интересно, интересно...

– Ты знаешь, не очень, – равнодушно пожала она плечами. – Обычный звонок, и только...

– А почему у вас руки дрожат?

Сигарета действительно плясала в ее руке. Осторожно положив ее на край пепельницы, Лика уставилась в наглые очи, с подозрением разглядывающие ее, и томным голосом изрекла:

– Ты знаешь, сынок, это, очевидно, от любовной лихорадки...

Улыбка медленно сползла с Димкиного лица, и, наливаясь злобой, он прошептал:

– Шлюха! Вульгарная шлюха! Ну ничего, будет и на моей улице праздник, причем не один!

Лика махнула рукой и оставила его угрозы без внимания, а зря...

Череда так называемых «праздников» началась с очередным отъездом Олега.

Перво-наперво у нее сломалась машина. Ее бежевая «девятка», подарок мужа к свадьбе, которая работала до этого как часики, внезапно отказалась заводиться.

Открыв капот и перемазавшись по самые локти, она ничего не смогла сделать. Велико же было ее изумление, когда слесарь с автостанции авторитетно заявил, что у нее есть враги.

– Как это? – вытаращила Лика на него глаза. – С чего вы взяли?

– Поломка подстроена, ежу понятно, – вытирая руки ветошью, пнул он колесо. – Придется повозиться...

– Сколько?

– Ну... я не знаю. График у нас и без того...

– Я не об этом, – начала терять она терпение. – Сколько стоит?

После недолгих переговоров они ударили по рукам и сошлись на том, что машину она заберет на следующий день к обеду.

Но сделать этого ей не пришлось.

Стоя у запертой двери квартиры, Лика безуспешно пыталась открыть замок, но все ее попытки не увенчались успехом.

– Чертов диверсант! – рычала она от бессилия и злобы и тигрицей носилась по комнатам. – Только появись!..

Он так и не появился...

Пришлось вызывать слесаря из местного жэка. Тот долго чертыхался и проклинал любителей секретных запоров. Наконец после долгих усилий он вызволил ее из заточения, попутно обескровив на полсотни.

Поймав такси и почти на ходу запрыгивая в машину, Лика назвала адрес и с тоской посмотрела на часы: время было позднее. Шансы на то, что кто-то ждет ее на станции техобслуживания, были ничтожно малы. Но не все в этот день были против нее. Мастер терпеливо ждал, с остервенением протирая и без того блестящую поверхность машины.

– Ты это, подруга, того... – выразительно посмотрел он на часы.

– Знаю, знаю, извини, – подняла она руки, выдавливая из себя самую милую улыбку. – За ожидание особое вознаграждение.

– Да ладно, чего там, – сразу повеселел он. – Мы же с понятием...

Его «понятие» обошлось ей еще в полсотни.

Осторожно тронув машину с места, Лика аккуратно объезжала все колдобины и лужи, которые попадались на пути. Душа ее ликовала – пусть с небольшими потерями, но все же ей удалось противостоять этому стервецу.

Как оказалось, радость была преждевременной...

Припарковав машину на автостоянке, она заперла двери и тщательно проверила надежность замков, по несколько раз подергав за каждую. Несколько минут постояла, понаблюдав за окрестностями. Подозрительного ничего не обнаруживалось, и Лика с легким сердцем двинулась к подъезду. На кабине лифта красовалась табличка с надписью «Идут ремонтные работы».

– Было бы странно, если бы он работал, – недовольно буркнула она себе под нос.

– Что-что? – приподняла очки Мария Васильевна, на минуту оторвавшись от вязания.

– Да лифт, говорю, не работает, – кивнула Лика ей в знак приветствия. – Мария Васильевна, Дима не проходил?

– Не видела, – покачала она головой. – Мне, как вахтеру, пришлось заявку оформлять на работы-то эти, вот я и отвлеклась. Ты уж, Анжелочка, извини.

– Ничего, ничего, – заулыбалась она. – Дома, наверное, где же ему быть еще. А не скоро закончат?

– Не знаю. Теперь, наверное, уж до завтра. Время-то, сама видишь, нерабочее уже. А дежурный разве будет с ним возиться?

– А что, серьезная поломка? – неизвестно отчего, но под ложечкой неприятно заныло.

– А кто его знает? Сначала свет отключили минут на двадцать, а потом лифт встал. – Она посмотрела на часы и принялась собирать сумки. – Засиделась я что-то. Домой пора.

Лика вежливо попрощалась с ней и двинулась на десятый этаж. Невзирая на совсем не преклонный возраст, подъем не показался ей приятным занятием. Уткнувшись вспотевшим лбом в свою дверь и с трудом переводя дыхание, она принялась копаться в сумочке в поисках ключей, попутно нажимая кнопку звонка.

За дверью было тихо, а ключи упорно не хотели находиться.

– Черт! – выругалась Лика вполголоса и вывалила содержимое ридикюля прямо на лестничную площадку.

Ключи, разумеется, были на месте. С раздражением запихивая все по своим местам, она поднялась с колен и вставила ключ в замок. Но на этом все и остановилось. Замок не открывался. Сколько Лика ни пробовала, сколько ни трудилась, ключ упорно не хотел поворачиваться.

– Я сегодня сойду с ума! – громко объявила она, плотно приложив ухо к двери. В квартире была тишина. – Прекрасно! Меня уже не пускают домой! Куда же мне теперь деваться? А может, слесарь что-нибудь не так сделал? Нет, я прекрасно помню, что несколько раз проверила, прежде чем захлопнуть дверь...

– Здравствуй, Анжелочка, – звонкий голос прервал ее невнятное бормотание. – Что, домой не пускают?

– Да замок что-то сегодня барахлит.

– А-а-а, – понимающе протянул пожилой мужчина из соседней квартиры, имя которого ей никак не удавалось запомнить. – Понимаю, понимаю... А где же Дима?

– Не знаю... Наверное, у друзей. Я вернулась из автосервиса и вот домой не могу никак попасть.

– Слесаря надо вызвать, – подсказал он.

– Да я уже сегодня вызывала, – пояснила Лика, мысленно посылая словоохотливого соседа ко всем чертям. – Рабочий день окончен, время позднее. А дежурного разве сейчас найдешь? Лифт вон стоит – и то дела нет никому, а уж моя дверь...

– А где же ночевать-то будешь?

– У родственников, – повернувшись к нему спиной, она подхватила сумку и начала спускаться по ступенькам.

– Анжелочка, – вновь окликнул ее неугомонный сосед, – чуть не забыл! К вам сегодня приходили дважды, да не застали никого.

– Кто?! – приостановилась она, холодея от предчувствия. – Он не назвал себя?

– Да нет, – пожал тот плечами, потом, шлепнув себя по лбу, полез в карман. – Совсем замотался! Он же записку тебе оставил. Да где же она?..

С замиранием сердца она наблюдала, как из его обширных карманов извлекаются на свет божий клочки бумаги, помятые абонементы на автобус и множество другой дребедени, место которой было в мусорном ведре.

– А вот же она, – обрадованно воскликнул он, протягивая ей аккуратно сложенный несколько раз листок из тетради в клеточку. – Уж очень убедительно просил молодой человек передать именно тебе.

– Спасибо, – нервно пробормотала Лика, выхватывая послание. – А на словах он ничего не просил передать?

– Привет, говорит, ей передайте. Да! Все о муже твоём выспрашивал. Кто, да что, да откуда, – сосед водрузил очки себе на нос и пристально уставился на нее. – Он кто вам будет-то? Родственник?

– Да, да. Спасибо вам. Вы мне очень помогли. До свидания, – ноги сами собой понесли ее вниз.

Мария Васильевна все еще была на посту.

– Анжелочка, ты уходишь? – приветливо заулыбалась она. – А я вот все никак не могу собраться. Сын мне внука обещал подбросить прямо сюда – на работу. Я жду, а их все нету...

– Мария Васильевна, – прервала ее Лика. – Позвонить можно?

– Звони, конечно, – пододвинула она ей старенький телефонный аппарат. – Только не знаю – работает ли? Сегодня что-то все у всех ломается...

– А у кого еще что сломалось? – вежливо поинтересовалась она, накручивая диск телефона.

– Да это не из нашего, – махнула она равнодушно рукой. – Это из другого подъезда. Соседи твои через стенку, кстати. Тоже на десятом этаже живут. Так вот они дверь свою сегодня не могли открыть.

– Что-то сегодня у всех двери не открываются, – машинально поддержала Лика беседу, напряженно прислушиваясь к монотонным сигналам в трубке. – Так что там у них с дверью-то было?

– С дверью-то? – беззвучно шевеля губами, Мария Васильевна считала петли на спицах. – А-а, что-то с замком. Часа три возились, не могли войти. Хотели уже дверь ломать, да она вдруг открылась.

– Как это?

– А так, – женщина подняла на нее глаза и заулыбалась. – Уж не знаю, что и как, но сначала не могли открыть. Хозяйка шумит. Говорит, что кто-то изнутри закрылся. А кто может закрыться? Вор?! Так вещи все на месте оказались. Чудно!

– Действительно... – Какое-то смутное подозрение мелькало в мыслях, мешая сосредоточиться. – Ну и чем все это закончилось?

– А ничем... Хозяйка побежала за участковым, Витька по вызову отошел минут на двадцать, а когда опять все собрались у двери, она с первого раза и открылась. Чудно!

– Ну, может, замок какой-нибудь сложный, – предположила Лика, опуская трубку на рычаг. – Всякое бывает...

– Нет, – покачала головой Мария Васильевна, – замок самый обыкновенный, с предохранителем изнутри. Витька-то по этому поводу сильно сокрушался. Ладно, говорит, у этих, это у вас значит, у них импортный, сложный, а тут местного производства, и не открывается.

– Ну, и что же за причина-то была?

– А кто знает? Витька шумит, участковый шумит. А когда ушли все, я эту женщину видела на улице. Она говорит, что кто-то был у них в квартире. Точно, говорит, был... Милиционеру-то она не сказала, боялась, за дуру ее примет. А со мной поделилась...

– Как же она определила? – медленно опускаясь на стул, спросила Лика осипшим от волнения голосом. – Что-нибудь нашла?

– Да нет. Штора на балкон была сдвинута.

– Штора?! – брови ее поползли вверх.

– Ага, – кивнула Мария Васильевна. – Она точно помнила, что занавешивала балконную дверь. А когда пришла, занавесочка была сдвинута в сторону. Причем, говорит, небрежно так, наспех. Даже две петли оборваны.

– А что же она милиционеру не сказала?

– А докажи им, мужикам. Скажут – блажь бабья, да больше ничего. И так шуму было...

– А... а что ему на балконе-то делать?

– А бес его знает. – Мария Васильевна опустила рукоделие и пристально посмотрела на Лику: – У тебя все в порядке?

– Да, да, – поспешила она ее успокоить. – Устала очень...

– Я и смотрю – бледненькая вся, прям ни кровиночки. Отдыхать нужно побольше.

И она снова забормотала, отсчитывая петли узора.

Лика медленно поднялась со стула и поплелась на улицу. Чудовищная усталость от накопившихся неприятностей буквально раздавила ее. С трудом переставляя ноги, она добрела до машины и без сил упала на переднее сиденье. Опустив голову на руль, внезапно вспомнила про записку, переданную дружелюбным соседом.

В полумраке салона строчки плясали перед глазами, не желая никак складываться в слова. Наконец после долгих усилий ей удалось разобрать следующее: «Пацан у нас. Если хочешь увидеть его живым, плати. Первый взнос пятьсот долларов, остальное потом. Не вздумай заявить в милицию. Пожалеешь!»

– Господи!!! Господи!!! Что же мне делать?! – Зубы начали отстукивать четкую дробь. – Что же делать?! А если Олег позвонит, что я ему скажу?!

Слезы потекли по щекам, смывая макияж. Страх за Димку сковал ее по рукам и ногам. В голове пульсировала одна мысль: «Что делать?!» Надеяться на чью-то помощь не имело смысла. Единственным человеком, способным помочь в этом, был Григорий, но телефон его молчал, очевидно, его не было в городе.

– А может, он просто вышел куда-нибудь? – всплыло спасительное предположение.

Немного взбодрившись, Лика постаралась привести себя в порядок. Но, несмотря на все усилия, из зеркала на нее смотрело опухшее лицо с покрасневшими от слез глазами.

– Бог с ним, мне не на светский раут, – прошептала она дрожащими губами и тронула машину с места.

К Гринину дому Лика подъехала, когда почти уже совсем стемнело. Ни одно окно не светилось. Пошарив под крыльцом, она отыскала ключ, который он всегда держал там для нее. Быстро пробежав по пустым комнатам, обнаружила маленькую записку на кухонном столе, которая гласила, что ее славный друг уехал по делам в район.

– Да... Там ты можешь разъезжать больше недели, – совсем приуныла она, плюхнувшись на табуретку.

После недолгих раздумий Лика решила переночевать у Григория. Не тащиться же через весь город темной ночью. Да и дверь не открывается.

– О боже мой! – схватилась она за голову. – Я же совсем забыла! Дверь!..

Страшные картинки замелькали перед глазами. По всему выходило, что к ней в квартиру кто-то проник и этот кто-то влез от соседей. Этим и объяснялась поломка замков сразу в двух квартирах. Возможно, когда она пыталась открыть дверь, тот человек все еще находился там.

– Ничего не понимаю... – Лика вскочила и, как всегда бывало в тяжелые минуты жизни, принялась мерить шагами комнату. – Кто же тогда передал записку? Ничего не понимаю...

Она открыла холодильник и достала бутылку кефира. Глотая кислую, приятную на вкус жидкость, Лика пододвинула к себе телефонный справочник и принялась перелистывать страницы.

– Ага, вот! – обрадованно воскликнула она, подчеркнув острым ноготком нужную фамилию.

После четвертого сигнала трубку наконец сняли, и сонный женский голос произнес:

– Аллю. Говорите.

– Здравствуйте. А Лешу можно? – Лешей звался один из Димкиных приятелей. Он часто приходил к ним и всегда бывал предельно вежлив. Этим и объяснялся тот факт, что Лика решила позвонить именно ему.

– А кто его спрашивает? Милочка, вы хотя бы знаете, который час? – недовольно буркнула женщина.

– Извините, это Димина... – она замялась, не зная, как себя назвать.

– А... понимаю. Анжелика Владимировна, если не ошибаюсь? – потеплевшим голосом спросила мать Алексея.

– Да, это я. Простите, я не знаю вашего...

– Нина Николаевна, – мягко перебила ее женщина. – Алексея нет, но он недавно звонил, предупредил, что будет поздно.

– Понятно. Нина Николаевна, а он случайно не сказал – Дима с ним? – сирым от волнения голосом спросила Лика.

– Нет, милая. Он ничего не говорил о нем. А что, что-нибудь случилось? – обеспокоилась Нина Николаевна.

– Да нет. Не знаю, – обреченно вздохнула Лика. – Его сегодня весь день не было дома. Я беспокоюсь. Если вас не затруднит, узнайте, пожалуйста, у Алексея что-нибудь.

– Хорошо, хорошо. Не надо так волноваться, – поспешила успокоить ее Лешина мать. – Вы ведь знаете этих ребят. Может, девушка какая-нибудь или еще что... Не переживайте.

– Спасибо вам, Нина Николаевна. Я не сильно беспокою вас, если еще перезвоню?

– Звоните, конечно. – Нина Николаевна шумно зевнула в трубку. – Леша обещал быть часа через два. Всего доброго.

Она повесила трубку, оставив Лику наедине с ее сомнениями и страхом. Почти машинально она набрала свой домашний номер и чуть не подпрыгнула, когда ей ответил грубый мужской голос:

– Кого надо?

– А... а... а вы кто? – наконец выдохнула она. – Кто вы, черт бы вас побрал?

– А вот и мамка объявилась, – поганенько захихикали в трубку. – Записку получила?

– Что ты делаешь в моей квартире? – пролепетала Лика, задыхаясь от ужаса. – Где мальчик?

– А где деньги? – вопросом на вопрос ответил ей незнакомец.

– А сейчас наберу 02, и ты, гад, будешь объясняться не со мной, – обрела наконец голос Лика.

– А вот этого делать не надо, – осторожно предупредил ее ночной гость. – Если хочешь пацана живым увидеть, сиди и не рыпайся. Поняла?!

– Д-да, да, – закивала она головой, словно он мог ее увидеть. – Что мне нужно делать?

– Тебе же передали записку, – снова заухмылялся он. – Гони деньги – получишь пацана. Чем быстрее, тем лучше.

– Но я не могу, это слишком много, – запротестовала она.

– Твой муженек тебе отстегнет, не поскупится. Ведь он любит тебя? Ведь так?

– Любит, – согласилась Лика. – Но он далеко и приедет не скоро.

«Господи, зачем я ему все это говорю? Лишний козырь в его руки», – промелькнуло у нее в мозгу.

Словно прочтя ее мысли, незнакомец произнес:

– Тем лучше для тебя. Не думаю, что твое прошлое его порадует.

– В моем прошлом нет ничего, что могло бы мне навредить, – оскорбилась Лика.

– Да? А как же твой Гриша? Этот бандит-убийца...

– Он никого не убивал, – всхлипнула она.

– Разговор не о нем, – грубо оборвали ее на полуслове. – Расклад такой – ты нам деньги, мы тебе пацана. Срок – один день.

– Подождите, подождите, – взмолилась Лика. – Я не успею, дайте мне время.

Не дослушав, на том конце повесили трубку. Уронив голову на скрещенные руки, Лика разразилась рыданиями. Отчаяние подступило к горлу и вырывалось наружу судорожными всхлипами:

– Что же мне делать?! Что же это?! Гриня, ты-то где?! Кто мне еще поможет, кроме тебя?! Где мне взять эти проклятые деньги?!

Она не осознавала, сколько прошло после телефонного звонка, но этот временной промежуток показался ей вечностью. На негнущихся ногах Лика прошла в комнату, когда-то гостеприимно предоставленную ей Григорием, и без сил рухнула на кровать...

– Ну, что она?! – напряженно вглядывался говоривший в мужчину, который держал телефонную трубку.

– Вроде клонула! – озабоченно потер тот шею. – Лишь бы в милицию не ломанулась...

– Не должна. Она не дура.

– Думаешь?..

– Что-что, а дурой ее не назовешь. Сколько я ее знаю, столько удивляюсь.

– Что же в ней такого удивительного? – заинтересовался мужчина. – Красавица, конечно, каких поискать, а так...

– Не скажи... Внешность, конечно, само собой, но что-то в ней есть.

– Что?!

– Не знаю, – говоривший тяжело вздохнул. – Ладно, пора сваливать. Кто знает, что ей придет в голову? Возьмет и приедет сюда.

– Ночью-то? Зачем?

– Как зачем? – коротко хохотнул говоривший. – Это все-таки ее квартира. Пошли. Если денег завтра не будет, приготовим сюрприз. Думаю, ей понравится.

Они тихонько рассмеялись и, подсвечивая себе карманным фонариком, двинулись к выходу. Внимательно оглядев лестничную площадку, двое вышли из квартиры, осторожно прихлопнув дверь. Так же крадучись, они подошли к лифту и нажали кнопку вызова.

В тот момент, когда двери лифта закрылись и кабина медленно поползла вниз, из квартиры на лестничную клетку вышел пожилой мужчина, недоуменно тараща глаза на дверь, которую только что закрыли эти двое.

– Ничего не понимаю... – недоуменно пожал он плечами. – Сумасшествие какое-то. Ладно, завтра разберемся...

С этими словами он прошаркал к себе, предварительно еще раз бросив внимательный взгляд на соседнюю дверь.

– Не жилыцы, а сплошная загадка...

Тупая боль пульсировала в висках, мешая открыть глаза. Лика заворочалась и глухо застонала.

– Черт! Наверняка давление на нуле, – прошептала она, скатываясь с кровати.

Попыталась подняться и едва не упала. Перед глазами поплыли темные круги, тошнота подкатила к горлу противным комком. Чувствуя, что ей с этим не справиться, Лика почти бегом, насколько позволяло ее состояние, кинулась к раковине. Спазмы рвоты выворачивали наизнанку желудок, слезы застилали глаза. Открыв воду, она сунула под холодную струю голову и, охая и стона, принялась умываться.

Когда наконец мир перестал вращаться вокруг нее, Лика обмотала голову полотенцем и опустилась на табуретку. Дрожащими руками расправляя спутавшиеся пряди мокрых волос, Лика корила себя за вчерашнее. Волноваться ей было нельзя, и она это знала прекрасно. Подобные волнения кончались, как правило, приступом гипотонии. Но ей никогда не было так плохо, как сегодня.

– Но я никогда и не волновалась так, – всхлипнула она, припоминая вчерашний разговор.

Перед глазами всплыло Димкино лицо с длинной модной челкой, которую он постоянно сдувал с глаз. Пухлые губы, которые он постоянно кривил в презрительной усмешке, общаясь с ней, казалось, были созданы для поцелуев.

– У него наверняка и девушки не было, – снова заплакала она. – Господи, что же это я о нем в прошедшем времени? Он жив! Жив! И я сделаю все, чтобы его спасти!

Кряхтя и охая, Лика включила газовую колонку и через некоторое время погрузилась в горячую ванну. Сдувая с обнаженных рук мыльную пену, она снова и снова прокручивала в уме вчерашние события. Что и говорить, для одного дня это было слишком! Но неприятности никогда не спрашивают нас, когда им нагрязнеть, они просто врываются в нашу жизнь и начинают все в ней ломать и путать.

– Стоп! – От неожиданности Лика даже подскочила, расплескав воду через край. – Как же я сразу не вспомнила?!

Она выскочила из ванны и, на ходу сорвав халат с вешалки, кинулась в комнату Григория.

– Гринечка, ты же мне говорил, что если что... – бормотала Лика исступленно, переворачивая вверх дном содержимое ящиков платяного шкафа. – Ага! Вот она!

В руках у нее оказалась небольшая коробочка из-под цейлонского чая. Сорвав с нее крышку, Лика издала радостный вопль. В коробке, плотно уложенные, теснились доллары. Она знала о том, что у ее друга есть деньги, но никогда не пыталась вникнуть: где и сколько. Хотя он неоднократно повторял ей, что, если что случится, они там-то и там-то.

– Вот и случилось! – прошептала Лика, закрывая тайник и укладывая аккуратными стопками чистое белье. – Теперь, Димуля, я тебя спасу! Хотя ты и говнюк порядочный, но ты сын Олега, а получается, что и мой сын тоже...

На минуту глаза ее затуманились. Она вспомнила, как однажды, встав ночью, уловила странные звуки, идущие из Димкиной комнаты. Осторожно тронув дверь и обнаружив, что та не заперта, Лика вошла и остолбенела.

Простыни сбились в бесформенную кучу у Димки в ногах, подушка валялась на полу, а сам он лежал почти поперек широкой тахты и всхлипывал. Крадучись, она подошла поближе и, наклонившись, отвела взмокшие волосы с его лба.

– Мама... – сквозь всхлипывания тихо позвал он. – Мама...

Закусив руку, чтобы не разреветься самой, она выскочила из комнаты и до утра не могла уснуть. В эту ночь он предстал перед ней не избалованным самовлюбленным эгоистом, а одиноким мальчиком, обиженным на весь белый свет.

Резкий стук в дверь прервал ее воспоминания. Запахнув плотнее халат на груди, Лика поспешила к выходу.

– Вам кого? – с удивлением уставилась она на молодую девушку, сосредоточенно жующую жвачку. – Вы не ошиблись адресом?

– Нет, – надула та огромный пузырь, – не ошиблась. Мне Григория. Он дома?

– Его нет, – недоуменно хлопала Лика ресницами. – А вы кто?

– А тебе-то что за беда – кто я? – хмыкнула наглая девица.

– Понятно, – разозлилась Лика и попыталась закрыть дверь, но, вовремя среагировав, непрошенная гостья не дала ей этого сделать.

– Ты не играй со мной в такие игры, – зашипела она ей в лицо. – Передай, чтобы позвонил мне. И поверь – это в его интересах. Пока...

Она махнула рукой и бодро зашагала по тропинке, ведущей к калитке.

– Не могу поверить, – оторопело глядя ей вслед, шептала Лика. – Чтобы Гриня с этой...

«А что ты о нем знаешь? – пытливо спросил внутренний голос. – Когда ты его видела последний раз?»

– Давно, – сокрушенно ответила она самой себе, – все больше по телефону, да и то в последнее время его почти не бывает дома.

То и дело недоуменно покачивая головой, она выгладила свою одежду и, кое-как приведя себя в порядок, выехала со двора.

Центральный рынок встретил Лику шумным многоголосьем. Потолкавшись среди покупателей и пару раз приценившись к фруктам, она прошла к палатке звукозаписи. Если ей не изменяла память, это место было постоянным местом тусовки Серого в том далеком прошлом.

Серый был на месте. Он сидел на ящике, вытянув длинные ноги, и, казалось, дремал. Но Лика прекрасно знала, что это его полусонное состояние не что иное, как рисовка. Серый был подобен кобре – беспощадный, коварный и... осторожный. Для Григория до сих пор оставалось загадкой, как тот остался в живых.

– Хватит притворяться, – пнула Лика его ногой. – Я же знаю, что ты не спишь.

– Ты все всегда знаешь наперед, – лениво процедил Серый и слегка приподнял козырек бейсболки. – Здравствуй, для начала. Или тебя не учили хорошим манерам?

– Нет желания тебя приветствовать, – огрызнулась она и, сунув руку в сумочку, изо всех сил сжала бумажный конверт, в который положила деньги. – Итак, что ты мне скажешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.